

На правах рукописи

Волгина Арина Сергеевна

**АВТОПЕРЕВОДЫ ИОСИФА БРОДСКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ
В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ 1972 – 2000 ГГ.**

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья

(литература народов Европы, Америки и Австралии)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2005

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Зусман Валерий Григорьевич

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Шайтанов Игорь Олегович
кандидат филологических наук Соколов Кирилл Сергеевич

Ведущая организация: Тверской государственный университет

Защита состоится «23» июня 2005 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.198.04 в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125267, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан «20» мая 2005 года

Ученый секретарь

диссертационного совета
кандидат филологических наук

В.Я. Малкина

2006-У
9198

2155624

3

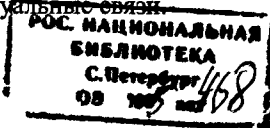
Общая характеристика работы

Настоящая диссертация посвящена исследованию автопереводов Бродского – поэтических текстов, переведенных самим автором на английский язык – в контексте двуязычного творчества поэта и созданной им «философии языка», англо-американской и русской лингво-поэтических традиций, в аспекте художественной коммуникации с англоязычным читателем и автокоммуникации.

Цель диссертации: охарактеризовать автопереводы И. Бродского в системе «Литература». Проследить становление И. Бродского как англофонного поэта и эволюцию авторской личности Joseph Brodsky.

В соответствии с избранной целью определяются конкретные задачи исследования:

1. Рассмотреть художественные принципы и переводческие установки И. Бродского в контексте созданной поэтом «философии языка»; проанализировать действие механизма автокоммуникации в процессе перевода Бродским собственных произведений на английский язык.
2. Представить личностное и творческое развитие И. Бродского в аспекте бытового и художественного двуязычия, выявить организующие принципы его вторичной языковой личности.
3. Исследовать читательское восприятие английских сборников И. Бродского в США и Великобритании на материале критических откликов, опубликованных в книжных обозрениях и журналах.
4. Проанализировать автопереводы И. Бродского в сравнении с оригиналами с позиций эквивалентности и коммуникативной адекватности этих текстов; исследовать их стиховую структуру, метафорический строй, прагматическую основу и интертекстуальные связи.

Актуальность диссертации обусловлена отсутствием на сегодняшний день систематических исследований на русском языке, посвященных англоязычному поэтическому наследию одного из крупнейших поэтов XX века, Нобелевского лауреата и поэта-лауреата США И. Бродского. Актуален подход к материалу: переводческие принципы и коммуникативные установки поэта исследуются в контексте созданной поэтом «философии языка», автоперевод впервые рассматривается как специальная проблема в контексте системы «Литература». Рассматриваемые в диссертации вопросы формирования авторской личности в условиях двуязычия и параллельной работы в рамках двух национальных литератур, рассмотрение стиховедческой проблематики в русле различных лингво-поэтических традиций, роль читателя в системе «литература», перевод и автоперевод как важнейшие формы межкультурного общения находятся в центре внимания современной филологической науки.

Материалом исследования послужили автопереводы И. Бродского, опубликованные в сборниках «A Part Of Speech» (1980), «To Urania» (1988), «So Forth» (1996) и «Collected Poems in English» (2000) в широком контексте творчества поэта (поэзии, эссеистики), русской и англосаксонской лингво-поэтических традиций.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Автопереводы Бродского рассматриваются в широком контексте русской и англо-американской лингво-поэтических традиций;
2. Первичная и вторичная языковая личность поэта (Иосиф Бродский / Joseph Brodsky) рассматривается в контексте лингвистической авторефлексии и эстетических воззрений автора-переводчика;
3. В данной работе впервые осуществлен подробный анализ метроритмического облика и рифмовки английских автопереводов И. Бродского. В процессе исследования стиховой формы автопереводов в сопоставлении

с оригиналами разрабатывается методика сравнительного стиховедческого анализа поэтических текстов;

4. Автопереводы Бродского рассматриваются не только в аспекте эквивалентности оригиналам, но и в аспекте их адекватности новой коммуникативной ситуации;

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. В ситуации двуязычия на основе вторичной языковой личности И. Бродского и его американского биографического мифа происходит рождение вторичной авторской личности Joseph Brodsky.
2. Переводческие принципы И. Бродского отражают созданную поэтом «философию языка».
3. При анализе метро-ритмического облика и рифмовки автопереводов Бродского выясняется, что автору-переводчику удалось найти эквиваленты практически всем элементам стиховой структуры русского текста. Однако эквивалентность вступает здесь в конфликт с коммуникативной адекватностью: принципы русской версификации, перенесенные в пространстве английского языка, приобретают характер реалий чужой культуры.
4. При анализе качества автопереводов необходимо в первую очередь ориентироваться на восприятие англоязычного читателя.

Методологической базой диссертации послужили работы Ю.М. Лотмана и Ю.И. Левина по проблемам коммуникации в литературе; работы Ю.Н. Караулова, посвященные вопросу вторичной языковой личности; переводоведческие исследования В.Н. Комиссарова, П.М. Топера, Р.К. Миньяр-Белоручева, А. Поповича, А.Д. Швейцера; стиховедческие работы М.Л. Гаспарова, Е.Г. Эткинды, Д.С. Смита и Б. Шерра, а также исследования системы «Литература», осуществляемые коллективом авторов (В.Г. Зусман,

З.И. Кирнозе и др.) на кафедре зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Практическое значение исследования:

Материалы диссертации могут быть использованы при чтении лекций и разработке учебно-методических пособий по истории зарубежной и русской литературы, межкультурной коммуникации, переводоведению. Собранные фактические данные могут послужить справочным материалом для дальнейших исследований по теме.

Апробация результатов исследования:

Основные положения диссертации излагались в докладах на международной конференции «СВОЕ и ЧУЖОЕ в европейской культурной традиции: литература, язык, музыка» (Н.Новгород, 2000); международном семинаре «Проблемы межкультурной коммуникации» (Н.Новгород, 2000); XIII Пуришевских чтениях (МПГУ, 2001); Грехневских чтениях (Н. Новгород, 2001, 2002), международной конференции «Пространство и время в литературном произведении» (Самара, 2001); LIV Герценовских чтениях (С.-Петербург, 2002); на Семинаре славистики и семинаре «Современная литература в английских переводах» (Оксфордский университет, Великобритания, 2003); на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры Зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. По материалам диссертации опубликовано 13 научных работ.

Структура работы определяется поставленными задачами и исследуемым материалом. Диссертация состоит из введения, двух глав, и заключения; также она включает в себя библиографию и два приложения.

Содержание работы

Во *Введении* обосновывается выбор темы диссертационного исследования, ее актуальность, формулируются цели и задачи работы, определяется ее структура. Здесь же вводится ряд дефиниций и осуществляется обзор существующих исследований по проблеме автоперевода в творчестве И. Бродского. Также во введении определяется место переводного текста в системе «Литература» и рассматривается специфика построения художественной коммуникации в случае если перевод является авторским. Выдвигается принципиальная позиция англоязычного читателя автопереводов: читательское восприятие признается основным критерием при оценке коммуникативной адекватности рассматриваемых текстов.

В *первой главе* – «**Иосиф Бродский и Joseph Brodsky: биографический миф и авторская личность**» – в центре внимания находится фигура автора-переводчика.

В первом параграфе «**Жизненный путь поэта: до и после эмиграции**» бегло очерчивается биография поэта. Особое внимание уделяется фактам, оказавшим влияние на творческое становление поэта как двуязычного автора и сформировавшим его международную репутацию. События жизни Бродского в СССР создают образ поэта-диссидента, а затем поэта-изгнанника, «трансатлантическая» же биография Бродского, тщательно оберегаемая поэтом от вторжения советского прошлого, фактически представляет собою реализацию американской мечты: бедный эмигрант, не нашедший признания у себя на родине и приехавший в США с одним чемоданчиком, сегодня преподает в лучших университетах и заседает в библиотеке Конгресса. Положение университетского преподавателя и ряд престижных премий, полученных им за творческие работы, – и важнейшая из них Нобелевская премия по литературе 1987 года, сыгравшая решающую роль при избрании его на пост поэта-лауреата США, – упрочили международное признание Бродского как ключевой фигуры в мировой культуре.

Во втором параграфе главы «Создание авторской личности «Joseph Brodsky» показано, как параллельно с репутацией Бродского-деятеля культуры усилиями самого поэта, его друзей и издателей происходило становление творческого «alter ego» Бродского. Само имя поэта в английском написании и произношении становится одной из важнейших манифестаций его вторичной – иноязычной – авторской личности, частью тщательно создаваемого имиджа. С момента вынужденной эмиграции в 1972 году Бродский оказывается в ситуации бытового и художественного двуязычия. Перед ним, как и перед всяким писателем-эмигрантом, встает проблема выбора: писать для немногочисленной русскоязычной аудитории, надеясь на будущее признание на родине, или сделать попытку найти свое место в национальной литературе и культуре принявшей их страны. Бродский выбирает второе: уже в первые годы жизни в США он открывает для себя возможность творчества на английском языке. Ряд эссе и статей на английском языке, написанных Бродским в конце 70-х – начале 80-х годов украсили собой страницы ведущих американских и британских изданий и создали Бродскому репутацию блестящего англоязычного эссеиста и литературного критика. Поэзия Бродского до 1980 года была представлена на английском языке работами ряда англофонных переводчиков (Н. Бетелла, Дж. Клайна и др.). Однако со сборника «A Part Of Speech» (1980) начинается утверждение Joseph'a Brodsky как англофонного поэта и переводчика с русского. От сборника к сборнику – «A Part Of Speech» (1980), «To Urania» (1988), «So Forth» (1996) – доля участия автора в переводах стремительно увеличивается: издательская политика Бродского построена так, чтобы убедить читателя в том, что перед ним поэзия, изначально написанная на английском языке – к этому выводу нас приводит анализ структуры вышеупомянутых книг, и в частности, их оглавлений. В читательском сознании Joseph Brodsky обретает некую независимость от своего русского alter ego и преодолевает свою вторичность по отношению к нему, дистанцируясь даже от такого явления как «Иосиф Бродский в неавторизованном английском переводе».

Однако предположение, что Бродский в конечном итоге действительно хотел утвердиться как самоценный англофонный поэт, представляется несправедливым в свете третьего параграфа первой главы «**«Философия языка» Иосифа Бродского и языковая личность поэта»**. Рефлексия Бродского по поводу функциональной роли русского и английского языков в художественной коммуникации объясняет первоначальное обращение поэта к созданию прозы на английском языке: с русским – родным – языком Бродский связывает свои представления о языке как некоем сверхтворце, диктующем свою волю поэту, английский же в «философии языка» Бродского представлен как совершенное воплощение языковой прагматики. Если рассмотреть творческое наследие писателя в целом, окажется, что двум языковым личностям соответствуют две творческие ипостаси: англоязычный Joseph Brodsky является в первую очередь эссеистом (из 60 изданных им в разное время прозаических текстов только 16 изначально написаны на русском языке), поэзия же по преимуществу – сфера Иосифа Бродского (46 стихотворений, написанных по-английски, теряются на фоне 540 русских). Поэтический перевод представляет собой своего рода диффузную зону, в которой две языковые личности Бродского переплетаются: как русский поэт он переводил на родной язык произведения английских метафизиков и поэтов XX века, а как англофонный – перелагал на английский собственные стихотворения.

Логическим продолжением исследования лингвистической эстетики поэта становится третий параграф **«Переводческие принципы И. Бродского»**, ибо принципы эти сформировались на основе рассмотренной нами «философии языка». Формальную сторону поэзии – метры, рифмы, строфы – Бродский считает не изобретением человека, а комплексом «самопорождающих приемов» языка, через которые язык и высшая его форма – поэзия – соприкасается со временем. При таком подходе совершенно естественным представляется выдвигаемое поэтом категорическое требование сохранения при переводе на английский формы русского стихотворения. Бродский решительно восстает против бытующей в зарубежной переводческой практике традиции перевода

русскоязычной поэзии свободным стихом, независимо от стиховой формы оригинала. По свидетельству работавших с Бродским переводчиков, он был убежден в универсальной природе поэтических размеров, на каком бы языке не создавалась стиховая конструкция. Замена одного размера другим представлялась поэту невозможной, отказ от рифмы оригинала – губительным для поэзии.

От первого своего английского поэтического сборника к последнему Бродский все больше самоутверждался как переводчик собственных произведений, и в последнем прижизненном сборнике его коммуникация с англофонным читателем полностью строится по законам, избранным им самим. Динамику читательской реакции на этот процесс мы можем проследить по отзывам англоязычных рецензентов, опубликованным в журналах и книжных обзорах. Их обзору посвящен четвертый параграф первой главы **«Английский Бродский» в оценке современной американской и британской критики»**.

Первые английские сборники Бродского, составленные в основном из переводов англофонных поэтов-переводчиков, – «Joseph Brodsky: Selected Poems» (1973) и «A Part of Speech» (1980) были приняты доброжелательно и в США, и в Англии. Однако по поводу второй книги критиками было высказано предположение, что в гладких, виртуозных переводах, выполненных для сборника крупными англоязычными поэтами, происходит искажение оригинальной стилистики Бродского, в стихотворения русского поэта проникает несвойственный им дух. Мысли эти, высказанные английскими славистами, способными оценить оригиналы Бродского, по всей видимости, отвечали наихудшим опасениям самого поэта. В сборнике «To Urania» (1988) Бродский уходит от такого рода нареканий: он не просто редактирует и перерабатывает переводы – он почти полностью меняет штат со-переводчиков: вместо поэтов первого ряда с ним теперь работают профессиональные лингвисты, лучше владеющие техникой перевода, но не могущие сравниться с

автором в масштабе поэтического гения и, вероятно, более склонные уступать его требованиям.

Однако последовательное воплощение Бродским своих переводческих принципов при создании английских версий своих стихотворений вызвало, скорее, негативную реакцию англоязычной читательской аудитории на его автопереводы. Обзор и анализ рецензий на сборники «To Urania», «So Forth» (1996) и «Collected Poems in English» (2000), показывает, что автопереводы поэта подвергались жесткой критике. Рецензенты ставят вопрос об адекватности эквиметрического перевода с сохранением рифмы ситуации художественной коммуникации с англоязычным читателем. Словно принимая вызов поэта, целый ряд критиков рассматривает переводы за подписью Joseph Brodsky как самостоятельные произведения, не принимая во внимания международную репутацию поэта Иосифа Бродского. Смысловый анализ и оценка перевода переплетаются. Рецензенты, многие из которых являются современными англофонными поэтами первого ряда, скрупулезно выявляют «ошибки», допущенные Бродским в версификации, грамматике, стилистической и смысловой сочетаемости слов, фонетические шероховатости. В ряде случаев критики намекают, что опасность проникновения в переводы чужой – но органично английской – стилистики было бы для поэзии Бродского «меньшим злом», и Бродскому следовало бы довериться англофонным переводчикам. Положительную оценку автопереводов дали только рецензенты, владеющие русским языком и знакомые с оригиналами: для них автопереводы стали своего рода автокомментариями русских стихотворений поэта.

Во второй главе диссертации **«Автопереводы Иосифа Бродского: системный подход»** авторские переводы из сборников «A Part of Speech», «To Urania» и «So Forth» исследуются на разных уровнях их художественно структуры с точки зрения эквивалентности – в сравнении с оригиналами и коммуникативной адекватности – в аспекте восприятия англоязычным читателем.

В первом параграфе главы **«Автопереводы Иосифа Бродского в системе «Литература»»** очерчиваются направления и перспективы анализа рассматриваемых текстов в рамках системного подхода.

Во втором параграфе **«Цикл «Часть речи» в переводе автора как первый опыт эквиметрического автоперевода»** комплексному анализу подвергается стиховая структура одного из важнейших для творчества Бродского лирических циклов. На основе методики метрического анализа, разработанной британским славистом Дж. Смитом и неоднократно примененной им для работы со стихом Бродского осуществляется подробное сравнительное исследование автопереводов и оригиналов в различных аспектах их стиховой формы. За основу анализа берутся метрические слова («группы слов от одного или больше, несущие одно метрическое ударение»), однако помимо собственно метрической структуры принимается во внимание лексическое наполнение стиховой формы: слоговой состав слов и части речи. Количественные таблицы полностью приведены в Приложении 1. В тексте параграфа полученные результаты обобщены и представлены в виде сводных таблиц с подробным содержательным комментарием.

Иосифу Бродскому удалось в рамках английской просодии найти эквиваленты метро-ритмической форме своих русских стихотворений, их рифменной структуре: несмотря на разницу в слоговом составе языков Бродский приближает ритмику своего английского дольника к той, что свойственна его русскому стиху.

Так, например, в большинстве случаев средняя длина строки в стихотворении при переводе уменьшается на 1 – 3 слога. Амплитуда

варьирования длины строк в отдельных автопереводах меняется по сравнению с оригиналами как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения на 1 – 3 слога. В свете того, что Бродский пользуется односложным английским словарем вместо многосложного русского, сокращение строки при переводе даже на 3 слога представляется вполне ожидаемым и незначительным на фоне общей длины строки (8 – 20 слогов в оригиналах и 7 – 16 слогов в автопереводах). Интересно, что как в оригиналах, так и в автопереводах наиболее частотны строки средней длины, а «абсолютное первенство» по частотности принадлежит 11-сложной строке.

Учитывая односложный характер английского словаря и незначительное сокращение средней длины строки можно предположить, что в строках автоперевода происходит значительное увеличение количества ударений. Однако, как показывает статистика, эта тенденция не столь ярко выражена, как можно было бы ожидать. Минимальное количество ударений на строку сохраняется в 9 из 15 стихотворений (60%), максимальное – в 11 из 15 стихотворений (73.3%), а среднее увеличивается менее, чем на одно на строку.

Средняя длина метрического слова в русских стихотворениях 1:3, что характерно для трехсложного размера. В автопереводах тенденция к формированию трехсложника, кажущаяся на первый взгляд не особенно четко выраженной (в среднем ритм 1:2.4), становится более отчетливой на фоне англофонной лингво-поэтической традиции, т.к. английский двусложник склонен скорее к сверхсхемным ударениям, нежели к пропуску сильных мест, и ритм его приближается к 1:2. Это смещение в сторону трехсложника само по себе является неким тур-де форсом для языка, в поэзии на котором, по свидетельству М.Л. Гаспарова, «лишь очень малое место занимают трехсложные размеры».

В стихотворениях из цикла «Часть речи» присутствует тенденция к ритму - 2-1 в конце строки, характерную для стандартного русского дольника. Как ни парадоксально, Бродский создает такую тенденцию (хотя и несколько более слабую) и в английских автопереводах, которые таким образом приобретают

«фирменные черты» русского дольника: в 130 строках автопереводов из 184 (70.7%) финальный интервал равен 1 слогу, в 103 строках (56%) предпоследний интервал равен 2 слогам, а также в 13 строках (7.1%) в последнем интервале 4 слога.

Однако требование эквивалентности в автопереводах Бродского вступает в жесткий конфликт с требованием коммуникативной адекватности. В английской просодии многие средства формальной организации стиха имеют иное значение, нежели в русской и использование их может направить читателя по ложному пути: так, например, точная рифма воспринимается как банальная, а многосложная к тому же привносит в стихотворение комические ассоциации, тяготение к трехсложнику создает эффект ускорения темпа, семантический ореол и жанровое использование метра в русской и англо-американской поэзии различны. Сохранение большого числа слогов в строке обрекает поэта на многословие (это, в свою очередь, влияет и на графическую форму стихотворения – массив текста значительно увеличивается), меняется и соотношение частей речи: в отличие от оригинала, автоперевод изобилует эпитетами, нередко меняющими эмоциональную тональность стихотворения. Ради сохранения ритмики и рифмы Бродский готов форсировать даже английскую грамматику, допуская неточное употребление временных глагольных форм, артиклей, синтаксических конструкций и т.п.

Концентрируясь на переводе стиховой формы своих произведений, Бродский упускает из виду – или, возможно, сознательно допускает – коммуникативные сбои на других уровнях художественной структуры автопереводов. Такие ситуации анализируются в третьем параграфе второй главы **«Сборники «To Urania» и «So Forth»: комплексный анализ автопереводов»**. В подразделах этого параграфа осуществляется сравнительный разбор автопереводов и оригиналов стихотворений И. Бродского в аспектах: «биографический факт в поэтическом тексте», «взаимодействие заглавия и текста в автопереводе», «метафорический строй

оригинала и перевода», «интертекст в оригинале и автопереводе», ««Петербургский текст» в поэзии Иосифа Бродского».

В результате сравнительного анализа выяснилось, что из всех аспектов, составляющих ткань русского стихотворения вполне переводима оказалась лишь заложенная в текстах прагматическая информация. Отсутствовавшие в оригиналах заголовки, предпосланные ряду автопереводов с целью унификации оглавлений, придания единства сборникам и формирования горизонта читательского ожидания, часто оказываются мотивированны метафорическим строем и сюжетной ситуацией русского стихотворения и не работают в контексте автоперевода. Значения, скрытые в подтексте оригинала, в переводе выводятся на поверхность: происходит реализация метафор (в том числе языковых идиом), задается прочтение текста в сугубо реалистическом ключе. Фактически автоперевод становится лишь одним из возможных истолкований метафорического строя оригинала. Так, при переводе стихотворения «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» (1980) Бродский пытается найти верное соотношение метафоры и автобиографического факта. Чтобы прояснить для англоязычного читателя фактическую основу своего произведения, Бродский при переводе выводит дату создания стихотворения – день своего рождения – в заголовок: «May 24, 1980»). Таким образом, биографический подтекст оригинального произведения в автопереводе оказывается на первом плане. Однако Бродский не может отказаться и от многослойной метафорики русского стихотворения. И здесь он оказывается в сложной и двусмысленной ситуации: заголовок направляет читательское восприятие в русло биографического толкования, вследствие чего метафоры в переводном тексте получают в первую очередь конкретно-реалистическое прочтение, и те из них, которые этому не поддаются, трактуются превратно и нарушают целостное восприятие текста.

Многочисленные реалии советского социума, появляющиеся в русских стихотворениях Бродского, оказываются непереводимы: по словам поэта, английский язык «отказывается воспроизвести негативные <да и позитивные> реалии другой культуры». Дополнительный барьер для иноязычного

читательского восприятия создает потеря в автопереводах интертекстуального пласта, связывающего стихотворения Бродского с русской поэзией и, в частности, с «Петербургским текстом» русской литературы.

В качестве примера здесь можно привести стихотворение «Пятая годовщина (4 июня 1977)», в котором, в частности, появляется аллюзия, по-русски не нуждающаяся в атрибуции даже для читателей дошкольного возраста: «Оцепеневший дуб кивает лукоморью». Данная аллюзия здесь функционирует не столько как ссылка на претекст, сколько как реалья советского социума: фигура Пушкина встает за текстом не как ключ к смысловому прочтению, а как образ хрестоматийного классика – так вводится мотив единого для всех граждан страны усредненного кругозора. Этот мотив актуализируется в стихотворении и далее с каждой очередной хрестоматийной цитатой. В автопереводе стихотворения, напечатанном в сборнике «To Urania», эта строка звучит следующим образом: «On rocks, enchanted oaks nod to a passing liner» – «На скалах зачарованные дубы кивают проходящему мимо лайнеру». Самостоятельно усмотреть здесь пушкинскую аллюзию англоязычный читатель вряд ли способен. Комментируя эту загадочную фразу в сборнике «Joseph Brodsky. Collected Poems in English», редактор Энн Шелберг указывает на родство ее с пушкинским посвящением к «Руслану и Людмиле»: «For you alone, enchanting beauties...» Морфологическое родство слов *enchanted* и *enchanting* очевидно, однако, связь между «очаровательными красавицами» и «зачарованными дубами» по-прежнему неясна. Фигура Пушкина вводится, благодаря комментатору, но аллюзия не выполняет своей функции. «Зачарованные дубы» воспринимаются, скорее, как отсылка к англо-кельтской мифологии, почему-то введенная с намеком на стилистику классика русской литературы – о «хрестоматийном звучании» здесь и речи быть не может.

Воспринятые Бродским в его оригинальном творчестве отдельные черты англо-американской поэзии, преломившись в художественном мире поэта, также стали частью русской литературной традиции и не воспринимаются англоязычным читателем как «свои» при ретрансляции на английский. В ряде

случаев складывается впечатление, что автор-переводчик сознательно допускает коммуникативные сбои, желая показать читателю отсутствие эквивалента тем или иным элементам оригинального текста в английской просодии и культуре, вместо того чтобы скрыть ситуацию полной или частичной непереводаемости поиском коммуникативно адекватной замены. Так, например, в автопереводе стихотворения «То не Муза воды набирает в рот...» происходит явно неэквивалентная замена реалии: «Варяг» – легендарный крейсер, символ русской доблести, поэтические отзывы Я. Репнинского и Е. Студенской на гибель которого стали народными песнями, уступил место «Тирпицу» – судну, также окруженному легендами, но совсем иного свойства (этот мощнейший крейсер гитлеровского флота был уничтожен союзными войсками в ходе масштабной военной операции; само его название – имя германского военного министра 1897 – 1916 годов, сторонника неограниченной подводной войны против Англии). Образ затонувшего крейсера сохраняется, но вместе с тем происходит принципиальная смена коннотаций.

Результаты исследования автопереводов И. Бродского в свете системного подхода анализируются и обобщаются в заключительных параграфах второй главы. В этих разделах рассматривается вопрос о том, как работает в целом коммуникативная система, где эти тексты являются центральным элементом.

В параграфе четвертом **«Автоперевод как коммуникация с англоязычным читателем»** показано, что стихотворения Бродского сохранили в переводе автора многоуровневые связи с русскоязычной традицией и реальностью, так и не став явлением англоязычной культуры. Пользуясь английской лексикой и синтаксисом, Бродский по сути продолжает говорить на русском поэтическом языке. В результате категория читателя фактически выпадает из коммуникативной цепи: англоязычный читатель не восприимчив к традиции и реальности, с которыми связан текст, а русскоязычный, способный увидеть культурную и реальную основу, не владеет языком перевода. Даже если согласиться с утверждением ряда критиков о том, что Бродский создает свой особый язык на границе русского и английского,

следует признать и то, что единственным полноценным носителем этого языка является сам поэт. Ограниченная двуязычная аудитория становится не столько получателем текста автоперевода, сколько свидетелем диалога Бродского со своим английским alter ego. Таким образом, в любых условиях автопереводы Бродского относятся к категории «текстов на непонятных аудитории языках» – а это один из немногих выделенных Ю.М. Лотманом примеров сообщений, транслируемых **только** по каналу «Я – Я».

Коммуникативные процессы, происходящие в данном канале рассматриваются в пятом параграфе второй главы **«Автоперевод как автокоммуникация»**. Проникновение в художественный мир И. Бродского убеждает нас в возможности рассматривать возникающую в связи с автопереводами ситуацию автокоммуникации как принципиальную установку автора-переводчика. Свойственное «философии языка» Бродского представление о связи поэта и его родного языка как священной и нерасторжимой предполагает концептуальную невозможность поэтического творчества на чужом языке. Высоко оценивая способность английского языка точно и лаконично выражать мысли, Бродский вынужден был констатировать его несостоятельность в передаче эстетического и жизненного опыта, приобретенного поэтом в рамках иной культуры. Однако этот язык обеспечивает поэту безупречную позицию остранения, позволяющую воспринять себя как чужого и временно освободиться от диктата родного языка: диалог с самим собой принимает форму коммуникации с родным языком. «Выпрямляя» русский текст при помощи английского языка, освобождая его от дополнительных смыслов, которыми утяжеляет его «диктующий» поэзию язык во всем богатстве его коннотативных и ассоциативных полей, Бродский выделяет прагматическую, «сюжетную» основу этого текста, подвергая ее логическому осмыслению – так возникает в автопереводах отмечаемый исследователями эффект автокомментария.

Joseph Brodsky фактически приносится в жертву русскому поэтическому «Я» Иосифа Бродского. Он вступает в англо-американскую поэзию со

стихотворениями, плохо звучащими по-английски, и принимает на себя удар критики, тогда как поэзия Иосифа Бродского избегает абсорбции чуждой ей литературной традицией.

Однако в этой игре с авторскими мифами и языковыми личностями Бродский, возможно, дошел до опасного предела. Joseph Brodsky в читательском восприятии, сформированном и направленном мифотворцами и издателями Бродского, стал самостоятельной авторской личностью, поэтом, пишущим на английском языке, хотя и по собственным правилам. Возможно, следующее поколение англоязычных читателей, которому английская просодия «после Бродского» достанется уже как данность, а перипетии судьбы поэта как устоявшийся культурный миф, будет воспринимать поэзию Joseph'a Brodsky как вполне органичное явление своей отечественной литературы. Но здесь и таится опасность, которой сам Бродский, вероятно, не предвидел: его подлинное «Я» будет окончательно закрыто для англо-американского читателя Joseph'ом Brodsky – смелым реформатором языковой нормы, блестящим экспериментатором в области стиха, но поэтом, отнюдь не равновеликим Иосифу Бродскому

В **заключении** подводятся общие итоги работы. Основные выводы могут быть сформулированы следующим образом:

1. Joseph Brodsky в читательском восприятии, сформированном и направленном мифотворцами и издателями Бродского, стал самостоятельной авторской личностью, поэтом, пишущим на английском языке, хотя и по собственным правилам.
2. Язык как источник творчества, а в конечном счете и жизни вообще, является стержневым понятием эстетического мира Иосифа Бродского. Лингвистические представления складываются в целостную «философию языка». Убеденность Бродского в том, что стихотворные размеры, рифмовка и строфика являются

самопорождающими приемами языка, мотивирует ведущий переводческий принцип поэта: требование точно передать стиховую форму оригинала.

3. В переводческой практике Бродский сознательно идет наперекор существующей традиции поэтического перевода с русского на английский. Он старается максимально приблизить форму своих автопереводов к оригинальной, оставляя в стороне тот факт, что даже точно воспроизведенная, казалось бы, аналогичными средствами английской просодии формальная сторона русской поэзии не может быть адекватно воспринята англоязычной аудиторией. Перенесенные в иное культурное пространство, метр, ритм, принципы рифмовки приобретают характер реалий чужой культуры.

4. Исследование автопереводов Бродского показывает, что оценка коммуникативной адекватности таких текстов невозможна без анализа читательского восприятия. Если переводное произведение остается непонятным для целевой языковой аудитории, категория читателя выпадает из коммуникативной цепи и система «Литература» как целое разрушается.

Библиография включает в себя литературу о жизни и творчестве И. Бродского и научные работы, обращение к которым необходимо для успешного осуществления исследования на стыке истории литературы, стиховедения, переводоведения и межкультурной коммуникации.

Приложение 1 представляет собой каталог стихотворений Иосифа Бродского, переведенных на английский язык.

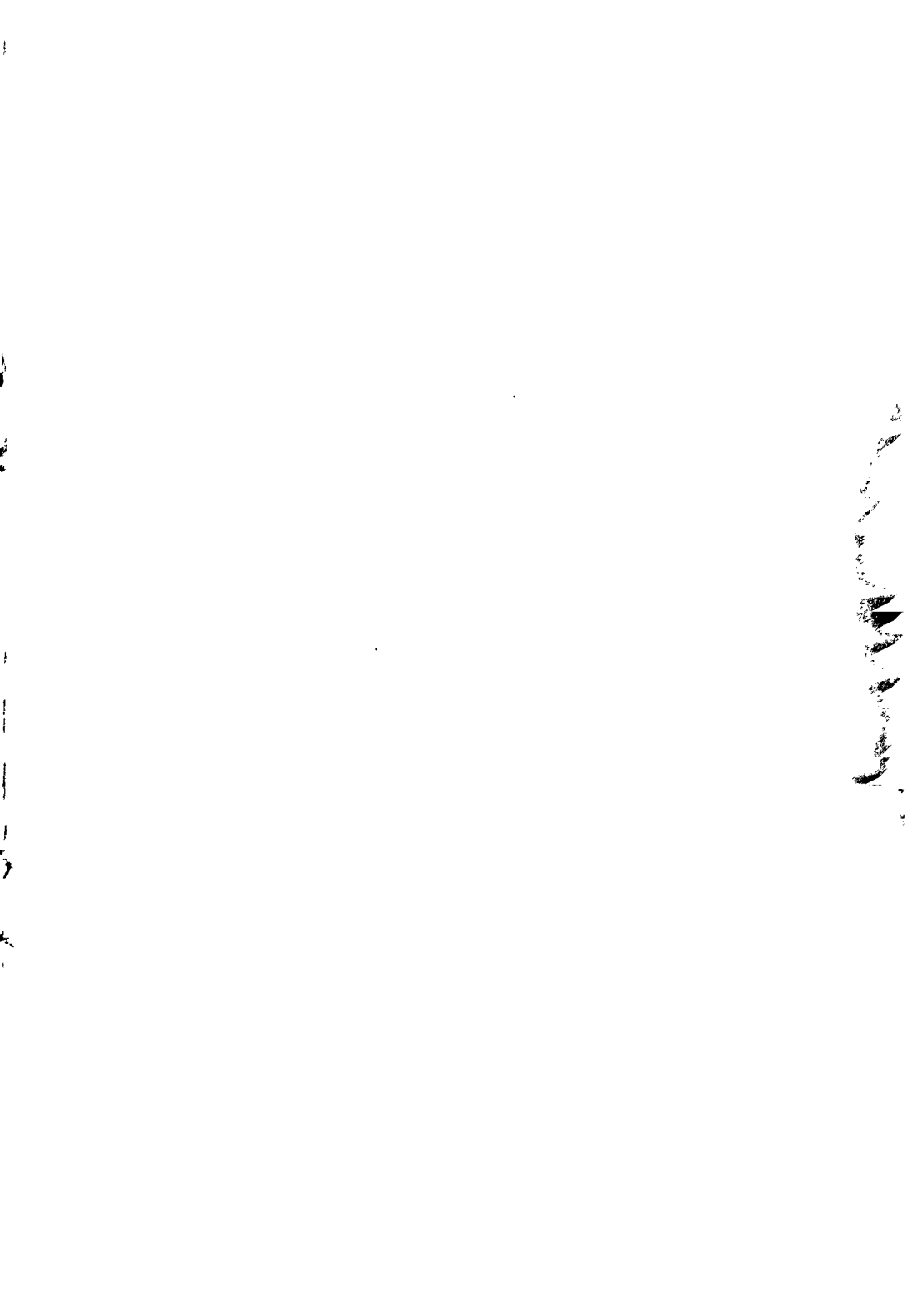
Приложение 2 включает таблицы анализа метрической структуры стихотворений из цикла «Часть речи» и их автопереводов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Волгина, А. Автопереводы Бродского и проблема двуязычия в лирике / А. Волгина // *Перекресток культур. Франсуа Мориак и Россия (Материалы международной научной конференции)*. – Н. Новгород, 1999. – С. 145 – 152.
2. Волгина, А. И. Бродский “May 24, 1980”: попытка исповеди на чужом языке / А. Волгина // *СВОЕ и ЧУЖОЕ в европейской культурной традиции: литература, язык, музыка: Сб. докл. участников научной конференции*. – Н.Новгород, 2000. – С.209 – 210.
3. Волгина, А. Переводы и автопереводы Иосифа Бродского / А. Волгина // *Проблемы межкультурной коммуникации: материалы международного семинара 28-29 сентября*. – Часть 2. – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2000. – С.48 – 50.
4. Волгина, А. Двуязычие как проблема «философии языка» Иосифа Бродского / А. Волгина // *XIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб. ст. и материалов*. – М.: МПГУ, 2001. –С. 34.
5. Волгина, А. Межкультурная коммуникация в переводе (на материале автопереводов И.Бродского) / А. Волгина // *Межкультурная коммуникация: Учебное пособие*. Н. Новгород, 2001. С.262 – 267.
6. Волгина, А. «Я заражен нормальным классицизмом...» (И.Бродский и русская поэзия XVIII века) / А. Волгина // *Грехневские чтения: Сборник научных трудов*. Н.Новгород: Издательство НГУ, 2001. С.141 – 145.
7. Волгина, А. Философия языка Иосифа Бродского: Время, Пространство и Движение в поэтической речи / А. Волгина // *Пространство и время в литературном произведении: тезисы и материалы международной научной конференции 6 – 8 февраля 2001 г.* – Самара, 2001. – С.231 – 234.
8. Волгина, А. Автоперевод стихотворения И.Бродского «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки...» как вариант «петербургского текста» / А. Волгина // *LIV Герценовские чтения: Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе: Материалы конференции*. – С.-Петербург, 2002. – С. 67 – 69.
9. Волгина, А. Русский и английский языковые миры в эстетике И. Бродского / А. Волгина // *Europa Orientalis*. – 2002. – №2. – С. 233 – 244.
10. Волгина, А. Функции заглавия в автопереводах Иосифа Бродского / А. Волгина // *Поэтика И.Бродского: Сб. науч. тр.* – Тверь: Лилия Принт, 2003. – С. 64 – 74.
11. Волгина, А. Иосиф Бродский / Joseph Brodsky / А. Волгина // *Вопросы литературы*. – 2005. – №3. – С. 186 – 219
12. Volgina, A. Joseph Brodsky's Self-translations and Cross-cultural Communication / A. Volgina // *Developing Cultural Awareness and Building Communication: Proceedings of the 7th NNELTA conference*. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistic University, 2001. – P.63 – 64.
13. Volgina, A. Brodsky, Joseph. (1940 – 1996) // *The Literary Encyclopedia at [http:// litencyc.com/php/www.LitEncyc.com](http://litencyc.com/php/www.LitEncyc.com)*. Submitted in 2004.

Лицензия ПД №18 – 0062 от 20.12.2000
Подписано в печать 16.04 2005 Формат 60*90/16
Печ. л. 1.5. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155 Н.Новгород, ул. Минина 31а

№ 1 1 6 8 0

РНБ Русский фонд

2006-4

9198